

ПРЕКРАСНЫЙ И ЖИВОЙ

Зрительный зал Куйбышевской филармонии. На сцене пожилая, еще стройная женщина в длинном черном платье. Ее лицо обрамлено совершенно белыми выющимися волосами, но в глазах ее энергия и живой ум. Эта женщина — старшая дочь великого артиста Федора Шаляпина — Ирина, ведущая рассказ об отце.

Наш город ей не чужой. Более полвека тому назад, осенью 1909 года, в этом же здании, на этой сцене, стоял ее отец. Переполненный зрительный зал был то восхищен, то умилен, то потрясен незабываемым тембром колдовского голоса, вокальным искусством, тонкостью фразировки и неистовым темпераментом русского певца-богатыря.

Ирина Федоровна живет в эти дни в той же гостинице, в которой останавливался тогда ее отец. На старом Самарском кладбище погребена ее бабушка, мать Федора Ивановича — Авдотья Михайловна. На похороны денег едва хватило. Шаляпин был в то время хористом бродячей опереточной труппы и не мог ничем помочь родителям.

Ирина Федоровна рассказывает о ряде профессий, которые в молодости переменял отец, прежде чем нашел себя в театре. Она говорит о пути трудном и блистательном, об огромном даровании, но и об огромной трудоспособности Шаляпина, о его отдаче всего себя любимому делу.

14 февраля исполнилось 87 лет со дня рождения Шаляпина. Уже больше 20 лет прошло с тех пор, как нет в живых несравненного певца и актера, но образ его оживает перед нами во весь рост в рассказе дочери, прекрасных диапозитивах-портретах, запечатлевших наиболее выдающиеся сценические портреты артиста, в великолепных записях песен, арий и романсов в его исполнении.

И. Ф. Шаляпина рассказывает о первых успехах артиста, о гастролях в Италии в 1901 году.

... На экране — Шаляпин-Мефистофель в одноименной опере Бойто, в которой он выступил в Миланском театре Ла-Скала. Сокрушающий мировой сарказм звучит в прологе этой оперы, которую мы слышим в исполнении Шаляпина на итальянском языке. Если до поездки в Италию он был уже первым певцом в России, то после ее он стал первым певцом в мире.

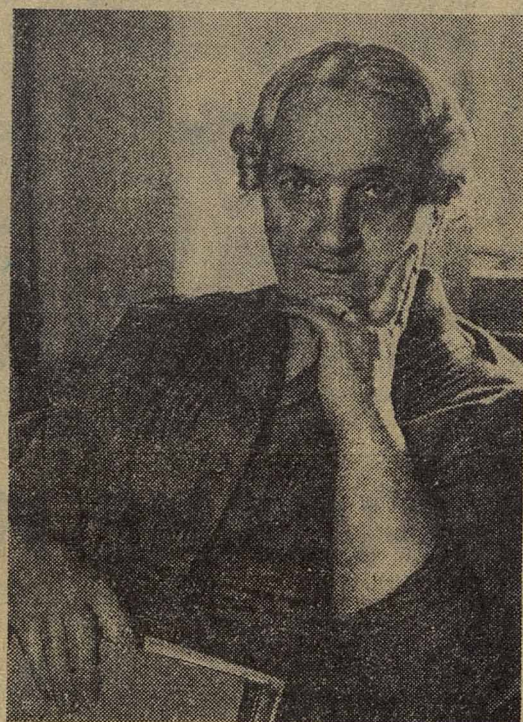
Ирина Федоровна Шаляпина подробно описывает день из жизни Федора Ивановича с самого утра до окончания вечернего спектакля «Борис Годунов». Мы узнаем, каким был Шаляпин в семье, каким он был за кулисами, в своей гримировочной, во время спектакля. Звучит сцена Бориса с призраком Дмитрия. Она звучит полностью, без сокращений, к которым зрители привыкли в общеизвестной редакции оперы Римского-Корсакова. Мы потрясены этим исполнением: «Чур, дитя, чур, не я твой лиходея». А на экране облик «преступного царя Бориса» с тревожным, настороженным глазом: ведь трон уже шатается — самозванец идет на Русь.

«Широкая масленица, ты с чем пришла? — несется из репродуктора действительно до предела широкая, забубенная, хмельная песня-ария. А вот на экране он сам, герой оперы Серова «Вражья сила» — пьянчуга, гуляка — кузнец Еремка.

Особо и подробно рассказывает Ирина Федоровна о тесной и дол-

И. Ф. Шаляпина о своем отце

голетней дружбе Шаляпина с Горьким. Она открывает большую тетрадь в красноватом переплете и читает нам отрывки из писем Горького Шаляпину, выдержки из

Ирина Федоровна Шаляпина.
Фото А. Тихомирова.

книги Шаляпина «Душа и маска», вышедшей в свет за рубежом, но на русском языке. Мы узнаем о большой самокритичности Шаляпина, о его взглядах на искусство, на истинное новаторство и псевдонаторство. Мы слышим отрывки из писем Шаляпина своим бывшим сослуживцам, «знаменитому тенору А. М. Давыдову», дочери. Мы чувствуем, мы понимаем, как тосковал великий артист по родине и по народу, из недр которого он вышел, как восхищался строительством новой жизни, светлой и победной, в своей далекой России. Ирина Федоровна не старается украсить действительность, она говорит о художественных неудачах отца (партия Руслана, которая никогда не удавалась ему), о его политических ошибках (отъезд за границу). Перед нами Шаляпин встает таким, каким был — многогранным, противоречивым, порою вспыльчивым, порой обидчиком, но всегда своеобразным, отмеченным печатью гения.

Вот, как бы прощаясь с жизнью, в смертной тоске, Шаляпин поет элегию Массне. Он оставался артистом до последнего дыхания. Последними словами его, сказанными уже в бреду, были: «Где я? В театре? Для того, чтобы петь, надо дышать, а у меня нет дыхания».

...По окончании беседы зрительный зал осыпает Ирину Федоровну не только градом аплодисментов, но и градом вопросов. Все до мельчайших подробностей в жизни Федора Ивановича интересует слушателей, среди которых есть те, кто полвека тому назад был на концерте Шаляпина в Самаре.

В обстановке этого вечера, внимая живой речи дочери Шаляпина, смотря на неповторимые по выразительности сценические портреты, слушая запись волшебных звуков песен, романсов, арий, мы ощущали близость и бессмертие того, чьи останки лежат так далеко от нас, на парижском кладбище Батиньоль. В этот вечер он был с нами — прекрасным и живым.

Г. ШЕБУЕВ.
Народный артист РСФСР.